

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ МИР ВИЗАНТИЙЦА

Профессор М.Я. Сюзюмов, будучи автором одной из концепций исторического развития Византии, в своих исследованиях не забывал, однако, и о реальном человеке в реальных обстоятельствах. Достаточно вспомнить в связи с этим его комментарии к "Книге епарха" или небольшой этюд, посвященный вопросам дисциплины в византийской высшей школе¹. Попробуем же обратиться к реальному человеку и самой нематериальной сфере его самопроявления — миру его чувств.

Если задаться целью показать эмоциональный мир византийца в более эффектном ракурсе, надо было бы обратиться к эмоциям улицы, толпы — к публичным зрелищам, казням, пыткам, вызывающим у зрителей поистине бурную эмоциональную реакцию. В XIV в., о котором здесь пойдет речь, подобные зрелища, как и ранее, были излюбленными. Если уличный акробат, демонстрируя головокружительные трюки, срывался и падал, умирая у ног зрителей, они за полученное удовлетворение и платили больше².

Изошренные казни — выкалывание глаз, обжигание обернутой промасленным материалом головы, отсечение руки, носа и многое другое³ вызывало у зрителей, наряду с чувством ужаса, и удовлетворенность эмоциональных потребностей.

Однако, отойдя от жизни улиц, площадей и ипподромов, обратимся к эмоциональному миру византийского

"Географии", как, например, описания пути от Константинополя до Тмутаракани, в известной степени отражали реальное положение вещей, будучи достаточно традиционными, как и маршруты, которые они описывали. Как следствие, нет ни малейшей уверенности в том, что династия Олублиас правила в Тмутаракани в 1154 г., а не пятьюдесятью-ста годами ранее, так как нам неизвестно время записи данных итинерариев.

¹ ГАСО.Ф.Р-802. ОП. 1. Д. 67.

² Nic. Greg. VIII. 10 — 1,348-351.

³ Поляковская М.А., Чекалова А.А. Византия: быт и нравы. Свердловск, 1989. С.246.

интеллектуала. Перелистаем лишь отдельные страницы писем ученого XIV в., мессадзона императорского двора Димитрия Кидониса.

В письмах Кидониса, наряду с богатой палитрой характеристики византийского общества, внешней политики государства, политической ситуации при императорском дворе, уровня образованности высших кругов общества, религиозных разногласий, отражен "вторым планом" — не прямо, а через ситуации — эмоциональный мир византийца. Разумеется, это прежде всего мир чувств самого автора писем.

Для ранних писем Димитрия Кидониса характерна юношеская возвышенность чувств, проявлявшаяся прежде всего в его отношении к семье и друзьям. Потеряв в 17 лет отца, Кидонис, став, по сути дела, главой семьи, всегда нежно заботился о матери, сестрах и брате. В письме от 2 сентября 1346 г. 22-летний Димитрий, находясь во Фракии, писал одному из своих друзей: "Вчера я поднялся с постели перед восходом солнца и начал с прогулки... я ощутил печаль и пустоту при мысли о том, как долго я разлучен с мамой, как далеко от сестер и брата, как давно я не встречался с друзьями" ¹. Из этого же фракийского городка Димитрий Кидонис написал своему бывшему учителю иеромонаху Исидору о разлуке с находившимися в восставшей Фессалонике родными: "Воспоминания о матери, сестрах и брате я ношу в сердце, как тлеющий огонь" ².

Письма разных лет жизни Кидониса хранят неизменно теплые чувства к матери, сестрам и брату, а после их смерти — преданную память о них. Откровенность в выражении чувства к родным и семейному очагу входила в "набор" добродетелей, присущих человеку высокой образованности. Эти чувства к родным и откровенность, с которой они проявлялись, можно поставить в один ряд с неперенным для истинного эллина чувством любви к родине, которому посвящено немало строк в сочинениях византийских интеллектуалов.

¹ Demetrios Cydones. Correspondance / Publ. par R.-J. Loenertz. ST. 186, 208. Citta del Vaticano. V.1. 1956; V.2. 1960. № 5. 4-9.

² Ibid. № 43. 23-24.

Столь же открытым и постоянным в интеллектуальном мире было чувство дружеской привязанности. Откровенно, искренне и тепло обращался Кидонис в письме от 1347 г. к своему школьному другу Николаю Кавасиле, которого он пригласил в Константинополь: "Я считал дни и тщательно следил за движением ветра, моля море о спокойствии. И когда причаливала какая-нибудь триера — не описать, как я торопился к пристани... Я мчался, как птица... (Но тебя нет) — и я чувствую себя, как при кораблекрушении" ¹. Это письмо, уже давно привлекавшее внимание исследователей с точки зрения реконструкции биографий знаменитых фессалоникийцев — Николая Кавасилы и Димитрия Кидониса — одновременно заслуживает внимания уровнем выражения дружеского чувства молодым человеком (Кидонису было тогда 23 года). В приведенных строках письма обнаруживаются нежность и трепетность по отношению к другу, с которым автор разлучен жизненными обстоятельствами. То, что по современным меркам звучит излишне сентиментально и немужественно, Кидонисом отнюдь не скрывалось, что свидетельствует о соответствии этого чувства поведенческим нормам того времени.

Чувства, связанные с утратой родных и близких людей, описываются в письмах Димитрия Кидониса не только как нравственное, но и физическое страдание. Автор писем не делал тайны из своей слабости. Напротив, он пространно описывал свое состояние и рассчитывал на сострадание.

Приехав в 1362 г. в Фессалонику, чтобы навестить больную мать, Кидонис стал свидетелем эпидемии чумы, унесшей жизни матери и двух его сестер. Во время вспышки чумы умерли многие фессалоникийские друзья и добрые знакомые Димитрия. В письме, посланном под впечатлением этой трагедии, он написал Георгию Философу: "Я совершенно не мог переносить ежедневные погребения друзей и родных... Я многократно терпел смерть каждого моего друга, как свою собственную" ². В этом же письме он пишет о своей тревоге за оставшуюся в живых младшую сестру, которая постоянно "сидит на мо-

¹ Ibid. № 87.

² Ibid. № 110. 29-33.

гиле, не сводит с нее глаз, переживая таким образом еще раз их (матери и сестер — М.П.) агонию" ¹.

После потери родных Димитрий Кидонис долгое время находился в состоянии нервного "срыва" ². Он так описывал это свое состояние: "Если бросить взгляд на происходящее, можно увидеть, что я, живой, не счастливее тех, кто умер. Даже сейчас, год спустя, я страдаю от постоянных головных болей и сердце — бьется и разрывает мне грудь, выскакивая из нее. И одышка напала на меня — как будто я задыхаюсь, и бессонница, которая приносит мне почти сумасшествие. Все это способствует ощущению постоянной слабости" ³.

В ответ на письмо неизвестного нам друга, выразившего Кидонису сочувствие в связи со смертью его брата Прохора, Димитрий написал в начале 70-х гг.: "Для меня с его смертью ушли все радости — дневной свет, еда, а всякие умственные занятия внушают мне отвращение" ⁴. Чем старше становился Кидонис, тем больше воспринимал он смерть близких ему по духу людей.

Если обратиться к другому полюсу положительных эмоций, то выражение восхищения в письмах Кидониса явно гиперболизировано. Отбросив похвалы, обращенные к официальным лицам и выполненные в соответствии с канонами высокой риторики, обратим внимание, что и похвалы в адрес друзей тоже очень ярки и эмоциональны. Так, в письме к одному из друзей (вероятно, Тарханиоту) Димитрий Кидонис так отозвался о литературных достоинствах полученного от него послания: "Прелесть твоих выражений, волнующая завершенность фигур и сила твоего слова, которая победит всякого Одиссея, твой сжатый стиль..., все пронизывающая гармония, которая напоминает произведения античных писателей, позволили всем воскликнуть: "Протагор у нас в гостях!", и "Он говорит, как Демосфен!", и "Нельзя перед ним устоять — так

¹ Ibid. 24-27.

² Характеристика Димитрия Кидониса как личности и, в частности, выделение стадий его депрессии даны Фр. Тиннефельдом: Tinnfeld Fr. Zur Persönlichkeit des Kydones // Demetrios Kydones. Briefe / übersetzt und erläutert von Fr. Tinnfeld. Stuttgart, 1981. Bd. I. S. 53-62

³ Demetrios Kydones. Correspondance. № 110. 34-38.

⁴ Demetrios Kydones. Briefe. № 81. S.447.

красиво он написал!" Ты так потряс наш круг, начиная с самого благородного императора" ¹.

Приведенные фрагменты из писем Димитрия Кидониса создают представление о нем как о человеке мягком, добром, легко ранимом и восторженном. Однако если соизмерить все запечатленные на страницах его писем авторские чувства, то будут превалировать противоположного настроения эмоции — сарказм, негодование, возмущение, непримиримость. Каков же уровень выражения негативных эмоций?

Даже образный ряд писем-псогосов Димитрия Кидониса создает впечатление очень резкого выражения чувств. В письме другу (начало 70-х гг.) участники судилища над Прохором Кидонисом названы клеветниками, наглецами, злословами, безбожниками, богохульниками, завистниками, подлецами, хвастунами, а глава паламитского лагеря патриарх Филофей — жалким, проклятым, трусливым невеждой ². В письме-псогосе, адресованном этому патриарху, он представлен как жестокий, коварный и трусливый человек. Активно не вынося чванливого невежества, Димитрий Кидонис написал патриарху: "Ты красноречив лишь тогда, когда тебя окружают подхалимы, которые из-за их непреодолимой лени смотрят тебе в рот и кормятся с твоего стола, поддакивая тебе за это" ³. Невежественное многословие своего адресата, его склонность постоянно выступать с речами Кидонис сравнивает с поведением дурной женщины, выставляющей себя напоказ ⁴. Обращенное к патриарху, это сравнение звучит особенно дерзко.

Такого же рода эмоции отражены и в письме к Иоанну Кантакузину (начало 70-х гг.), прежнему кумиру Кидониса, когда тот, убоившись суда равных ему по учености людей, окружил себя людьми мало знающими, но щедрыми на похвалы. Автор письма осудил желание Иоанна Кантакузина "бурлить относительно взглядов Паламы и поддерживать их гниль многими сочинениями" ⁵.

1 Demetrios Cydones. Correspondance. № 40. 8-14.

2 Demetrios Kydones. Briefe. №81.

3 Demetrios Cydones. Correspondance. N. 40.

4 Ibid.

5 Demetrios Cydones. Correspondance. N 400.

Подчеркивая "беспредельную ограниченность" тех, кто вершил суд над его братом Прохором, ученым латинофильского направления, Димитрий Кидонис писал: "улицы дрожали от оскорбительных речей против него... они выдвинули обвинения и против книги, в которой он доказывал, что они на деле не поняли самых азов и не имели привычки говорить что-то мудрое..."¹.

Письма Димитрия Кидониса отражают не только его эмоциональный мир. Даже приведенные фрагменты из двух-трех писем создают привычную атмосферу интеллектуальных дискуссий: диспутант "бурлил" относительно обсуждаемого сочинения, улицы "дрожали" от речей.

На страницы писем Димитрия Кидониса попали сцены жизни интеллектуальной среды. "Театры", где порой и зачитывались письма, часто становились местом словесных ристалищ, вызывающих необычайный накал страстей: зрители разве что только не кидали камни в неугодных ораторов². Удачные же выступления, напротив, вызвали бурные рукоплескания, громкие восклицания и другие проявления восторга³. Так, в частности, случилось, когда Кидонис в кругу императора зачитывал приведенное выше письмо своего фессалоникийского друга, названного восхищенными слушателями Протагором и Демосфеном. По просьбе собравшихся Кидонису пришлось зачитывать письмо и отдельные его пассажи несколько раз⁴.

Чтобы убедиться, что описанное Димитрием Кидонисом не было преувеличением, вспомним известный фрагмент из сатирического диалога начала XV в.: "В театре перед риторам и философами я речитирую твои речи, и, слушая меня, одни вскакивают со своих мест от восхищения, другие сардонически смеются, иные кричат и умоляют Клото до срока оборвать на веретене нить твоей судьбы, чтобы ты скорее сошел в подземный мир"⁵.

1 Demetrios Kydones. Briefe. № 81. 73-79.

2 Demetrios Kydones. Correspondance. № 78. 20; 326. 17-19; 376. 29-32.

3 Мелведев И.П. Византийский гуманизм XIV-XV вв. Л., 1976. С.14-17; Он же. Литературные "салоны" в Поздней Византии // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С.53-59.

4 Demetrios Kydones. Correspondance, № 40.

5 Мазарис // Византийский сатирический диалог / Подготовлен С.В. Поляковой и И.В. Феленковской. Л., 1986. С.106.

Хотя зачастую Кидонис описывал мир риториков сатирическим пером, однако "спорящих о Сократе" он противопоставлял тем, кто шумно проявлял свои чувства во время игры в кости или выпивки¹.

Приведенные здесь фрагменты из нескольких писем Димитрия Кидониса свидетельствуют, что запечатленные в них эмоции, как положительные, так и отрицательные, несмотря на их "знакомость", были откровеннее и ярче тех, что присущи современной интеллектуальной среде.

Й. Хезинга, исследуя формы жизненного уклада, и формы мышления в Западной Европе XIV-XV вв., выделил прежде всего такую черту, как "яркость и острота жизни"². Первый из употребленных автором "Осени средневековья" эпитетов обращает нас к зрительному ряду. Невольно вспоминается тот колористический фон придворной жизни, к которой Димитрий Кидонис был причастен каждодневно. Перечисление лишь цветов одежды сановников по обряднику Псевдо-Кодина — золотой, серебряный, алый, красный, фиолетовый, белый, голубой, желтый, зеленый, абрикосовый — свидетельствует, что применительно к Византии "яркость" не была только образом, метафорой. Несомненно, что эмоциональный уровень неотрывно связан с эстетическим. Более строгие тона жизни (в частности, одежды) отражают и более сдержанный тон эмоций. Разумеется, эти наблюдения следует проводить на уровне общества, а не отдельной личности, могущей прекрасно сочетать "красное и черное".

Разумеется, эмоциональный мир интеллектуала был сдержаннее и изящнее мира человека из уличной голпы. Однако эмоциональные "выплески" в поведении интеллектуала, отраженные в письмах Димитрия Кидониса, свидетельствуют о том, что и трепетное чувство к другу, и любовь к близким, и неприязнь к преступившему нормы поведения ученому, и презрение к невежде — чувства, столь знакомые и понятные современному человеку, имели, однако, более высокий "градус". В порывах восхищения и ненависти, византийский интеллектуал был более откровенным. Эта откровенность соответствовала при-

¹ Demetrios Cydones. Correspondance. № 380. 40-42.

² Хезинга Й. Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М., 1988. С.7-33.

нятым в этой среде нормам культуры чувств. Византийские интеллектуалы не стеснялись публичного проявления своих эмоций. Напротив, многие из них умышленно демонстрировались, если вспомнить о роли письма в то время. Это не был акт сугубо индивидуального общения. Автор всегда предполагал, что его письмо будет публично прочтено получателем. Обнародованная же скорбь, негодование или нежное чувство к другу должны были прозвучать еще "громче". Последующие витки цивилизации приведут к тому, что эмоции станут более сдержанными, а письма потеряют свое назначение быть отражением интеллектуального и эмоционального мира человека и по преимуществу станут атрибутом общения деловых людей.

Осознавая, что разрозненные письма одного человека не могут быть основой для широкого обобщения, а также понимая, что при оценке эмоционального поведения следует учитывать характер климата и ландшафта (южане — северяне), полагаем, однако, что приведенный материал даст все же основание для сделанных выводов.